

**МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ИРЕН НЕМИРОВСКИ
MOTYW SAMOTNOŚCI WE WCZESNEJ TWÓRCZOŚCI
IRÈNE NÉMIROVSKY
THE MOTIF OF LONELINESS
IN THE EARLY WORKS OF IRÈNE NÉMIROVSKY**

Antoni Bortnowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań — Polska
a.bortnowski@amu.edu.pl

Ключевые слова: Ирен Немировски, *Гениальный мальчик*, *Давид Гольдер*, *Осенние мухи*, мотив одиночества, отчуждение

Słowa kluczowe: Irène Némirovsky, *Genialny chłopiec*, *David Golder*, *Jesienne muchy*, motyw samotności, wyobcowanie

Keywords: Irène Némirovsky, *L'Enfant génial*, *David Golder*, *Les Mouches d'automne*, the motive of loneliness, alienation

Abstract: The subject of analysis in this paper is the motif of loneliness in the early works of Irène Némirovsky (1903–1942). A pessimistic view on human life, which is typical for Némirovsky, is shown by the author of this article on the example of three works: *L'Enfant génial*, *David Golder* and *Les Mouches d'automne*. The main character of each of the works constantly feels misunderstood, alienated and eventually dies, convinced of the meaninglessness of his/her existence. These feelings become common for the characters, which at first glance seem completely different — a Jewish boy from the poor quarter of Odessa, a rich financier living in Paris, and an elderly Russian nanny, who emigrates with her masters. The problem of loneliness in Némirovsky's writing is closely related to the issues of finding one's own identity and attempts to overcome the past.

Писательское наследие Ирен Немировски (1903–1942), забытое на долгие десятилетия, представляет сегодня интерес не только для исследователей французской литературы. После публикации в 2004 году ее романа *Французская сюита* (*Suite française*), пролежавшего в семейном архиве свыше 60 лет, были переизданы также другие произведения писательницы, а некоторые впервые переведены на русский язык. В итоге, во многом благодаря *Французской сюите*, творчество Немировски впервые попало в страну ее происхождения. Сегодня уже существует ряд работ, исследующих наследие Ирен Немировски, среди которых особого внимания заслуживают

тексты Марии Рубинс (см. Рубинс 2010: 5–48). Удачный обзор текстов, посвященных изучению творчества писательницы, представляет в своей статье Алина Балабан (см. Балабан 2014). К сожалению, большая часть произведений Немировски, родившейся в Киеве, до сих пор не переведена ни на русский, ни на украинский языки. Это касается в том числе произведений, в которых представлена страна детства писательницы. В качестве примеров можно назвать роман *Собаки и волки* (*Les Chiens et les loups*, 1940), в котором легко узнается дореволюционный Киев, или ранний рассказ *Гениальный мальчик* (*L'Enfant génial*, 1927), действие которого происходит в большом портовом городе, во многом напоминающем Одессу. До сих пор не переведена также на русский язык изданная посмертно биографическая *Жизнь Чехова* (*La Vie de Tchekhov*, 1946).

Вышеупомянутые, а также многие другие произведения Ирен Немировски доказывают, что творческое наследие писательницы является не только важным материалом для исследования явлений, связанных с французским культурным пространством, но может быть также полезным для осмысления до сих пор недостаточно изученных процессов, развивавшихся в Российской империи в последние десятилетия ее существования. Произведения Ирен Немировски могут стать также ценным материалом для ученых-эмигрантологов, так как в творчестве писательницы заметны типичные для эмигрантской среды вопросы поиска собственной идентичности, неоднозначности „своего” и „чужого” или интересующий нас мотив одиночества. Все это вытекает из специфики мировосприятия Ирен Немировски, на которое повлияли, несомненно, годы детства и юности, проведенные в дореволюционной России. Знание биографии писательницы кажется нам ключевым при анализе ее творчества, во многом основанного на автобиографических мотивах.

Ирина Львовна Немировская (так звали писательницу в России) родилась в 1903 году в Киеве в зажиточной еврейской семье. Отец будущей писательницы, Лев Борисович Немировский был успешным банкиром, а мать, Фанни Ионовна Моргулис, вела светский образ жизни, периодически обзаводясь новыми любовниками. Поскольку мать не особо интересовалась воспитанием дочери, а отец был всегда занят, самым близким человеком для маленькой Ирины стала ее французская няня. Семья Немировских с началом Первой мировой войны переехала в Санкт-Петербург, а затем, после большевистского переворота отправилась сначала в Финляндию, и далее через Швецию во Францию. Именно эта страна стала для Ирен Немировски самой родной, хотя она так и не добилась получения французского гражданства (не помог даже переход в католицизм

в 1939 году). В 1927 году молодая писательница вышла замуж за Михаила Эпштейна, также эмигранта еврейского происхождения, сына известного российского банкира. У них родились две дочери – Дениз (сохранившая впоследствии рукопись *Французской сюиты*) и Элизабет. Семейное счастье и одновременно литературная карьера Ирен Немировски заканчиваются в 1940 году с приходом немецких войск. Писательницу сначала перестали печатать, а затем, в июле 1942 года, арестовали и как личность еврейской национальности без гражданства отправили в Аушвиц. Согласно лагерным документам, Немировски скончалась 17 августа 1942 года. Несколько месяцев спустя там же погиб ее муж, Михаил Эпштейн, а чудом спасшихся осиротевших дочерей, Дениз и Элизабет, взяли на воспитание чужие люди, после того, как родная бабушка, мать Ирен, отправила их в приют.

Жизнь и творчество Ирен Немировски может стать интересным предметом анализа для эмигрантологов. Ведь писательница прошла путь многочисленных представителей первой волны русской эмиграции, покинув навсегда родную страну и оказавшись в итоге в одном из основных центров русского зарубежья – Париже. Она, так же, как и многие другие писатели-эмигранты из большевистской России, обращаясь к автобиографическим мотивам, возвращалась к дореволюционному прошлому. На этом, однако, заканчиваются общие моменты в творчестве Немировски и других эмигрантов и начинаются фундаментальные различия.

Первым и основным следует назвать язык произведений Немировски – автор *Французской сюиты* еще до эмиграции в совершенстве выучила французский, ставший в результате сознательного выбора единственным языком ее творчества. С вопросом языка тесно связана другая проблема, детерминирующая специфику творчества Немировски, – ее самоидентификация. В творчестве писательницы постоянно появляются мотивы отчуждения, одиночества, ощущение ненужности, попытки преодоления статуса „чужого” и поиски „своего”.

Ирен Немировски во многом олицетворяет трагизм тех представителей эмиграции, которые и в родных краях не могли почувствовать себя полностью „своими”, и за рубежом, несмотря на усилия, остались „чужими” (см. Рубинс 2008). Недаром один из критиков называет *Французскую сюиту* „шедевром без отечества” (Файвушович). Ирен Немировски, еврейка по национальности, киевлянка по рождению и подданная Российской империи, страстно желала стать француженкой, но освободиться от прошлого и своего происхождения так и не смогла. Об этом свидетельствует не только трагическая

судьба писательницы, но также специфика языка ее произведений, о чем после прочтения *Вина одиночества* известный французский писатель Анри де Ренье сказал, что „Немировски пишет на французском по-русски“ (цит-ся по кн.: Philipponnat, Lienhardt).

Проблемы поиска собственной идентичности и связанный с ней мотив одиночества появляются во многих произведениях Ирен Немировски. В данной статье мы сосредоточимся на трех из них (*Гениальный мальчик*, *Давид Гольдер*, *Осенние мухи*), в которых герои сталкиваются с отчуждением — никто не в состоянии помочь им выбрать собственный путь или просто понять их. Анализируемые произведения относятся к раннему периоду творчества Немировски и, несмотря на различия в форме и содержании, имеют определенные сквозные мотивы. Одним из них, безусловно, является одиночество, получающее у Немировски множество измерений и связанное с персонажами, не имеющими ничего общего друг с другом. Трагизм отчуждения подчеркивает тот факт, что все протагонисты умирают, ощущая себя одинокими и никому не нужными.

Именно таким образом закончилась жизнь молодого героя ранней новеллы *Гениальный мальчик* (*L'Enfant génial*, 1927). Это одно из немногочисленных произведений Немировски, действие которого полностью происходит в дореволюционной России. Главный герой, еврейский мальчик Исмаэль Барух, родившийся „в большом портовом торговом городе на черноморском побережье южной России“ [перевод наш — А. Б.] (Némirovsky 2012: 229), благодаря своему музыкальному таланту попадает в чуждую для него высшую сферу российского общества. Дети Барухов с самого детства росли почти беспризорными — в многодетной нищей семье никто не заботился о судьбе ее самых младших членов. Исмаэль большую часть времени проводит среди бездомной толпы в порту, развлекавая всех своим пением. Пьяные слушатели восхищаются умением мальчика отразить в песне их горе и тоску, но когда музыка стихает, об Исмаэле моментально забывают и он остается совершенно один.

Они всю ночь заставляли его петь, хором повторяя припев, который он обнаружил в своей душе, как сокровище, помещенное туда Богом для вечности. Они давали ему выпить, когда он от усталости переставал петь; в конце концов он затих и осторожно покатился к стоящей на песке стене, где заснул среди очисток и осколков разбитого стекла [перевод наш — А. Б.] (Némirovsky 2012: 233).

Однажды талантливого мальчика замечает русский барин, и Исмаэль из нищего портового района попадает в совершенно другой мир роскошных аристократических усадеб. Там он первое

время скучает по жизни в порту, но, посетив однажды город, понимает, что старый мир стал ему чужд: „еврейский квартал казался ему маленьким, печальным, полным мошенничества и зловония” [перевод наш – А. Б.] (Némirovsky 2012: 243).

Мальчика учат, воспитывают, но „своим” он так и не становится. Когда же гениальный ребенок вырастает, он становится обыкновенным юношей, и его отправляют обратно в родной город. Вернувшись домой, Исмаэль сталкивается с разочарованием родителей, надеявшихся с его помощью улучшить свое материальное положение. В итоге привыкший к роскоши юноша, вынужденный искать обыкновенную работу, кончает жизнь самоубийством. Исмаэль, остановившись на полпути между еврейскими трущобами и высшими сферами российского общества, оказывается в полном одиночестве и в результате гибнет.

В своем первом романе, который был широко известен и переведен на русский язык еще до войны, Немировски также обращается к еврейской теме. С полной уверенностью можно утверждать, что этот вопрос является одним из лейтмотивов ее творчества. В романе *Давид Гольдер* (1929) заглавный герой, еврей, эмигрировавший юношей из России, несмотря на успех, достигнутый в профессиональной сфере, в конце своего жизненного пути оказывается совершенно одинок. Семья видит в нем лишь источник денег, причем жена относится к нему прямо враждебно. Сам Давид, кстати, тоже не старается скрыть своей неприязни к ней.

Она ненавидела мужа – этого грубого, уродливого старика, любившего только деньги, грязные деньги, которые он даже не умел сохранить! Ее он никогда не любил... (Немировски 2008).

Друзей у Гольдера тоже нет. Его старый бизнес-партнер совершает самоубийство, и впоследствии главный герой часто вспоминает его пророческие слова:

Считаешь себя великим бизнесменом, малыш? Ты обычный спекулянт и ничего не понимаешь в людях. Ты останешься одиноким до конца своих дней, будешь жить в окружении проходимцев или кретинов (Немировски 2008).

Других людей тянет к Давиду из-за денег, но они лишь паразитируют на его состоянии, не давая взамен ни любви, ни близости. Гольдер отчаянно пытается найти хоть что-нибудь ценное в мире, в котором все продается. Именно этим можно объяснить его слабость к единственной дочери Джойс, не скрывающей, что от отца ей нужны прежде всего деньги. Пожилой Гольдер не питает иллюзий насчет своих близких и, обращаясь к жене, мрачно подытоживает свою жизнь:

Я пришел на эту грешную землю, чтобы делать деньги для других, а потом слохнуть... Джойс — такая же шлюха, как ты, но она не может причинить мне зла... Она — часть меня, моя дочь, все, что у меня есть на свете... (Немировски 2008).

Трагизм судьбы Гольдера усугубляется, когда жена со злорадством заявляет ему, что Джойс на самом деле дочь ее любовника. Эта новость стала большим ударом для героя, который все чаще приходит к выводу, то вся его жизнь лишена смысла:

Поверил, что у него и впрямь есть что-то свое на этой земле... Как жестока судьба... Работать всю жизнь, чтобы в конце пути остаться с пустыми руками, одиноким и бесприютным... (Немировски 2008).

В трудные минуты Гольдер всегда остается один, никто не в состоянии его понять. Данная ситуация усугубляется дополнительно вопросом о собственной идентичности. В романе хорошо заметна характерная для Немировски тема безуспешных попыток преодоления прошлого, которое никогда не дает эмигранту преодолеть свою чуждость. Поэтому в романе супруги Гольдеры в попытке как можно больнее задеть попрекают друг друга своим происхождением:

— [...] Ты остался тем же маленьким еврейчиком, который торговал старьем в Нью-Йорке!.. Помнишь? Не забыл?

— А ты сама помнишь Кишинева и лавку твоего отца — ростовщика с Еврейской улицы?.. В те времена тебя звали не Глория, не забыла? Хавка!.. Вот как тебя тогда звали... Хавка!..

Он выкрикивал это имя на идише, как оскорбление, как ругательство, потом замахнулся на нее кулаком (Немировски 2008).

Гольдер, оказавшись совершенно одиноким среди чужих ему людей, начинает подсознательно стремиться к среде, которая напоминает ему детство, время, когда он был типичным „русским“ евреем. Попав однажды в бедный район Парижа, он вдруг вспоминает, казалось бы, давно забытое прошлое:

В это мгновение, когда на город опускалась ночь, когда грохот и скрип тележки заглушали шум машин на улице Вьей-дю-Тампля, а верхние этажи домов прятались в тени, ему казалось, что он смотрит сон о родине (Немировски 2008).

Гольдер тут же вспомнил такое же слуховое окошко в доме напротив лавочки, где он родился... заснеженную улицу... и ветер... он часто видел их во сне (Немировски 2008).

Прошлое, которое никогда полностью не отпустило главного героя, не только не помогает герою преодолеть отчуждение, но еще и усугубляет чувство одиночества. Это особенно заметно, когда Давид Гольдер попадает в родной город.

Когда-то здесь была главная зерновая биржа. Гольдер приходил сюда, когда ему было двадцать. Отсюда он впервые вышел в море. Теперь в порту стояли на якоре несколько греческих пароходов и советские грузовые суда. Город выглядел таким бедным и обезлюдевшим, что сердце сжималось от тоски. Темная грязная гостиница с изуродованными стрельбой стенами производила почти зловещее впечатление. Гольдер пожалел, что не послушался тех, кто советовал ему возвращаться через Москву (Немировски 2008).

Уже одно описание города формирует ощущение пустоты, безысходности. Складывается впечатление, что в нем нет жителей, одни лишь обломки прошлого. Гольдер, спустя несколько десятилетий вернувшись в родные места, убеждается, что мир, частью которого он являлся, ушел навсегда, а город его юности стал чужим.

Дома стояли закрытыми, окна были заколочены досками. Банки, магазины, кафе были заброшены, покинуты прежними владельцами. Впечатанный в камни стен императорский двуглавый орел напоминал открытую рану. Гольдер невольно ускорил шаг (Немировски 2008).

Главный герой стремится как можно быстрее покинуть чужой город, который когда-то был его домом, но возвращаться ему некуда — еще во Франции Гольдер сам не раз повторял, что он один в целом свете (Немировски 2008). В данном контексте символический смысл приобретает смерть главного героя романа, который уходит из жизни на палубе корабля, в пути, покинув Россию, но так и не добравшись до Парижа. Рядом с Гольдером случайно оказывается молодой еврей, который направляется на Запад в надежде обрести счастье. Это своего рода „альтер эго“ главного героя, который узнает в юноше мечты и эмоции, когда-то переполнявшие его самого.

Парень прошептал жарким, страстным шепотом:

— Потом я разбогатею...

— Потом ты сдохнешь, — буркнул Гольдер, — в одиночестве, как собака, так же, как жил... (Немировски 2008).

Гольдер в конце жизненного пути теряет всякие иллюзии насчет возможности найти смысл существования и констатирует бессмысленность любых попыток преодолеть отчужденность. Завершающая роман сцена смерти протагониста закономерно подчеркивает его полное одиночество.

В самом конце остались только вечерняя улица с освещенной лавкой на углу — улица его детства, свеча за обледеневшим стеклом, вечер, падающий снег и он сам... Пухлые снежинки падали ему на лицо и таяли, оставляя на губах вкус талой воды, совсем как в детстве. Кто-то окликнул его: „Давид, Давид...“ Снег, низкое небо и тень смерти заглушали голос, унося его прочь, и он исчезал за поворотом дороги. Бесплотный голос стал последним, что слышал в своей земной жизни старый Гольдер (Немировски 2008).

Перед смертью Давид Гольдер не видит родных лиц, рядом с ним нет ни одного близкого человека. Единственное, что преподносит герою утешающее сознание, — это бесплотный голос, который неизвестно кому принадлежит и куда зовет.

Проблема отчужденности в романе *Давид Гольдер* не касается только одного героя. Одинокими и глубоко несчастливыми являются и другие персонажи романа: Глория, жена Давида, стареющая светская львица, ненавидящая мужа и единственную дочь, от безысходности содержащая своего любовника; разбалованная Джойс, вынужденная выйти замуж за старого богача; приятель Гольдера, скупой и питающий глубокую неприязнь к своим родственникам пожилой еврей.

Сойфер умрет один, как собака, ни один друг не придет почтить его память, никто не положит на могилу венка, а родственники похоронят его на самом дешевом парижском кладбище. При жизни их связывала лютая ненависть, но он все-таки оставил семье тридцать миллионов наследства, до конца исполнив загадочное предназначение любого хорошего еврея на этой земле (Немировски 2008).

В романе *Давид Гольдер* Немировски представила образ еврейской среды, в которой почти все являются хищниками, подстерегающими минуту слабости друг друга. В результате именно это произведение дало повод многим современникам Немировски обвинять писательницу в антисемитизме (Файвушович).

Следующее интересующее нас произведение — *Осенние мухи* (*Les Mouches d'automne*, 1931) — выделяется на фоне остального творчества Немировски своей „русскостью“. Как справедливо замечает Мария Рубинс, оно во многом близко русскоязычной эмигрантской прозе бунинского образца, с ее пассажем, ностальгической тональностью, описаниями крушения мирного существования дворянских поместий, мучительного отъезда из охваченной революционным безумием России и трудной жизни в изгнании (Рубинс 2008). Стоит отметить, что историю русской няни, отправившейся в эмиграцию за своими хозяевами, через несколько лет после Ирен Немировски изобразил в романе *Няня из Москвы* (1936) Иван Шмелев.

Татьяна Ивановна, главная героиня повести *Осенние мухи*, посвятила почти всю свою жизнь воспитанию нескольких поколений рода Кариных. Они стали смыслом ее существования, ничего другого у пожилой женщины давно не осталось:

Пятьдесят один год... Когда-то у нее тоже были муж и ребенок... Оба умерли — так давно, что она едва могла вспомнить их лица... (Немировски 2009)

Занимаясь младшим сыном Кариных, она мечтает лишь о том, что появятся новые дети, которые вновь заполнят всю ее жизнь.

По ночам она долгими часами сидела в кресле, вязала, задремывала, разомлев от тепла, вспоминала былые времена и мечтала о том дне, когда Кирилл и Юрий женятся и в детской будут спать их отпрыски. Андрюша скоро покинет ее. В шесть лет мальчики переходили под опеку воспитателей и гувернанток в комнату этажом ниже (Немировски 2009).

Исторические потрясения полностью ломают судьбу Татьяны Ивановны. С началом Первой мировой войны на фронт уходят старшие сыновья Кариных, а после революции вся семья бежит от наступающих большевиков, и пожилая няня остается совершенно одна в пустом доме. Описания покинутого имения подчеркивают одиночество женщины:

Статуи стояли заколоченными в деревянные ящики с сентября 1916-го – о них попросту забыли. Татьяна Ивановна оглядела дом: стены изысканно-желтого цвета почернели от таявшего снега, изрешеченная пулями штукатурка под лепниной облупилась. Ветер выбил стекла в оранжерее... (Немировски 2009).

Одиночество Татьяны Ивановны ненадолго прерывает возвращение из тюрьмы одного из сыновей Кариных, Юрия, впоследствии убитого крестьянином, решившим спасти таким оригинальным образом молодого барина от суда красных. Это событие заставляет няню выполнить долг перед господами, сообщая им о смерти сына. Она в одиночку отправляется на юг, так как ни на чью помощь в условиях гражданской войны рассчитывать не может:

С бриллиантами, зашитыми в подол юбки, старушка отправилась в Одессу сама. Три месяца она пробиралась окольными дорогами, как во времена своей молодости, когда шла с паломницами в Киев (Немировски 2009).

Воссоединившись с семьей Кариных в Одессе, Татьяна Ивановна не испытывает облегчения. Она все больше ощущает свою ненужность в семье, в которой нет уже маленьких детей и лишних денег на содержание старой няни. Ситуация только ухудшается с прибытием Кариных в Париж, где им самим сложно привыкнуть к новой жизни. Они первое время существуют в некоей изоляции, ощущают себя брошенными и ненужными.

Рано утром окна и ставни закрывались, и Карины до вечера сидели взаперти, удивленно прислушиваясь к „звучанию“ Парижа, принимаясь к поднимающимся со двора запахам сточных канав и кухонь. Они бесшумно слонялись от одной стены к другой, как осенние мухи, лениво и зло бьющие по стеклу обессиленными крылышками (Немировски 2009).

Приведенный фрагмент раскрывает значение заглавия произведения: у представителей погибшего мира дореволюционной России нет будущего — они обречены — в соответствии с заглавием — как осенние мухи, время которых неумолимо подходит к концу. Татьяна Ивановна в сложившейся ситуации находится в наиболее уязвимой позиции. Приспособиться к парижской действительности она уже не может и все больше отдаляется от своих хозяев, удерживая их в прошлой жизни и превращаясь в живое напоминание о мрачном прошлом.

Жизнь семьи постепенно налаживалась. Карины возвращались поздно, усталые, возбужденные Парижем, своей работой, наполняя дом смехом и разговорами, но темные комнаты и молчаливая старая женщина быстро гасили веселье. Наскоро поужинав, каждый уходил к себе спать (Немировски 2009).

К концу *Осенних мух* ощущение одиночества превращается в полную изоляцию, которую подчеркивает контраст с окружающей героиню жизнью Парижа, наполненной звуками, движением, светом.

Татьяна Ивановна дни напролет просиживала у окна в пустой квартире, глядя, как тяжелые капли дождя потоками слез сбегают по стеклу. В кухнях в доме напротив суетились, сновали от холодильника к столу служанки, обмениваясь шутками и жалуясь на жизнь на непонятном старой няньке языке. К четырем часам возвращались из школы дети. В столовых зажигались одинаковые лампы, начиналась какофония неумелой игры на пианино. Шторы на окнах задергивались, и Татьяна Ивановна оставалась наедине с шумом дождя и глухим гулом улиц (Немировски 2009).

Кульминацией отчуждения героини становится Рождество, праздник, традиционно ассоциирующийся с семейным уютом, теплом и временем, когда никто не должен чувствовать себя одиноким. Кариных приглашают знакомые, а Татьяна Ивановна в очередной раз остается в полном одиночестве. Именно в этот день ее окончательно „покидает“ Андрей, самый младший сын Кариных.

Этой ночью родители впервые брали мальчика с собой во „взрослые“ гости, и он весело смеялся, напевая себе под нос какую-то песенку. Татьяна Ивановна высунулась в окно и долго смотрела, как он перепрыгивает через лужи во дворе, потом металлическая дверь с глухим стуком захлопнулась, и она снова осталась одна (Немировски 2009).

Татьяна Ивановна теряет последнюю связь с внешним миром. В то время как французы отмечают католический праздник и за стеной слышны звуки граммофона, а на лестнице — шаги спускающихся и поднимающихся людей, старая няня погружается в сон и видит мрачную картину покинутого имения.

Она стояла перед распахнутой дверью пустого дома в тот час осеннего дня, когда слуги обычно разжигали печи. В покинутом, разоренном доме со скатанными вдоль стен коврами никого больше не было. Она поднималась наверх, где двери комнат со странным скрипучим стоном хлопали на сквозняке, торопилась, словно боясь опоздать, шла мимо анфилады огромных покоев, где гулял ветер, играя обрывками старых газет и упаковочной бумаги (Немировски 2009).

Попытка вернуться в родные места и найти утешение в прошлом у Немировски, как правило, всегда обречена на поражение. Об этом свидетельствует не только сон Татьяны Ивановны, но и описанное ранее последнее путешествие в Россию Давида Гольдера.

Далее, нагнетая ощущение отчуждения, Немировски заставляет главную героиню бродить по пустому чужому городу (здесь опять может возникнуть аналогия с *Давидом Гольдером*):

Татьяна Ивановна была одна на темной пустынной улице. Фонарь тускло светил сквозь завесу дождя. Туман начал рассеиваться. Тротуар и стены домов блестели от измороси. [...] Старушка брела по чужому городу, то и дело оскальзываясь на мокром асфальте. Грязь из-под колес промчавшегося мимо такси брызнула ей в лицо, но она как будто не заметила этого (Немировски 2009).

Пожилая героиня предпринимает последнюю отчаянную попытку вырваться из кошмара и любой ценой вернуться в Кариновку, в мир, с которым она была тесно связана. С этой целью она направляется к Сене:

Ей казалось, что на другом берегу реки светится огнями Кариновка, нужно только пройти по льду, и она попадет наконец домой. [...] Зайдя в реку по пояс, она окончательно опомнилась, хотела закричать, но сил у нее хватило лишь на крестное знамение (Немировски 2009).

Трагизм героини заключается в том, что мир, в который она хочет вернуться, навсегда разрушен, а ее жизнь в Париже, где ее не понимают, — это своего рода анахронизм. В итоге у Татьяны Ивановны не остается другого выхода, кроме как смириться с неизбежным и уйти в небытие, вслед за Кариновкой и — шире — за Россией. Такое положение вещей закономерно в контексте подхода самой Немировски, для которой жизнь прошлым, столь характерная для эмигрантской среды, была лишена смысла. Смерть Татьяны Ивановны подтверждает также еще одну закономерность проанализированных произведений Немировски: трагизм гибели главных героев подчеркнут не только их одиночеством, но и полным отсутствием какого-либо утешения. Исмаэль Барух совершает самоубийство, так и не поняв, зачем он вообще родился; Давид Гольдер умирает

в твердом убеждении, что его жизнь полностью бессмысленна; Татьяна Ивановна в последний момент перед смертью приходит в себя и осознает, что Кариновка — это мираж, обман, который в итоге бросил ее в ледяные воды Сены.

Мотив одиночества появляется также в более поздних произведениях Ирен Немировски, в том числе в тех, в которых присутствует тема России и элементы автобиографии, отсылающие к дореволюционному прошлому писательницы. Речь здесь идет, прежде всего, о романе *Дело Курилова* (*L’Affaire Courilof*, 1933) (см. подробнее Balaban 2014: 207–214), герой которого также умирает в одиночестве, об автобиографическом произведении *Вино одиночества* (*Le Vin de solitude*, 1935) (см. подробнее Bortnovski 2017: 62–72) и романе *Собаки и волки* (1940), в котором Немировски вновь возвращается к еврейской теме и воссоздает реалии жизни в родном Киеве. Одиночество в творчестве Ирен Немировски тесно связано с ее собственной судьбой: ее герои тщетно мечутся в поисках смысла существования, оказываются (или рождаются) в чужой среде, для которой они никогда не станут „своими“. Отчуждение персонажей преимущественно вытекает из отсутствия опоры в своем социальном окружении, нехватки исторического и культурного фундамента, национальных противоречий и, прежде всего, из невозможности найти понимание в кругу, казалось бы, самых близких людей. Семьи в проанализированных произведениях — это почти всегда лишь формальные союзы чужих друг другу одиноких людей. С перечисленными проблемами Ирен Немировски болезненно сталкивалась на протяжении всего своего жизненного пути, и все они отчетливо запечатлены в творчестве писательницы.

Библиография

- Balaban Alina. *Obraz emigranta v tvorcestve Iren Nemirovski i problema natsional'noy samoidentifikatsii*. [Балабан Алина. *Образ эмигранта в творчестве Ирен Немировски и проблема национальной самоидентификации*]. Web. 27.01.2019. <https://cyberleninka.ru/article/v/obraz-emigranta-v-tvorchestve-iren-nemirovski-i-problema-natsionalnoy-samoidentifikatsii>.
- Balaban Alina. „Roman Iren Nemirovski *Delo Kurilova*: na styke kul'tur i zhanrov“. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 2 (3) (2014): 207–211. [Балабан Алина. „Роман Ирен Немировски *Дело Курилова*: на стыке культур и жанров“. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2 (3) (2014): 207–211].
- Bortnovski Antoni. „Spetsifika vospriyatiya strany det'stva i sobstvennoynatsional'noy identichnosti v romane Iren Nemirovski *Vino odinochestva*“. *Zmogus kalbos erdvėje* 9 (2017): 62–72. [Бортновски Антони. „Специфика восприятия страны детства

- и собственной национальной идентичности в романе Ирен Немировски *Вино одиночества*", *Žmogus kalbos erdvėje* 9 (2017): 62–72].
- Fayvushovich Igor'. *Antisemitizm i yevreystvo Iren Nemirovski*. [Файвушович Игорь. *Антисемитизм и еврейство Ирэн Немировски*]. Web. 27.01.2019. http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=3308.
- Nemirovski Iren. *David Gol'der*. 2008. [Немировски Ирен. *Давид Гольдер*. 2008]. Web. 27.01.2019. <https://topliba.com/reader/463927>.
- Nemirovski Iren. *Osenniye mukhi. Povesti*. 2009. [Немировски Ирен. *Осенние мухи. Повести*. 2009]. Web. 27.01.2019. <https://topliba.com/reader/461551>.
- Némirovsky Irène. "The Child Prodigy". Przel. J. Elsky. *Yale French Studies. Literature and History: Around "Suite française" and "Les Bienveillantes"* 121 (2012): 229–261.
- Philipponnat Olivier, Lienhardt Patrick. *The Life of Irène Némirovsky*. Web. 27.01.2019. http://www.nytimes.com/2010/05/09/books/excerpt-life-of-irene-nemirovsky.html?_r=0.
- Rubins Mariya. „Iren Nemirovski. Strategii integratsii”, *Novyy zhurnal* 253 (2008). [Рубинс Мария. „Ирэн Немировски. Стратегии интеграции”, *Новый журнал* 253 (2008)]. Web. 27.01.2019. < <http://magazines.russ.ru/nj/2008/253/ru15-pr.html> >.
- Rubins Mariya. „Paradoksy literaturnoy sud'by”. Nemirovski Iren. *Bal. Zhar krovi, Khar'kov*: Knižnyj Klub „Klub Semejnogo Dosuga”, 2010: 5–48. [Рубинс Мария. „Парадоксы литературной судьбы”. Немировски Ирэн. *Бал. Жар крови, Харьков: Книжный Клуб „Клуб Семейного Досуга”, 2010: 5–48*].

